

Савва Елена Владимировна

кандидат философских наук,
доцент кафедры политологии и
политического управления
Кубанского государственного университета

ЭТНИЧЕСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КЛАССИФИКАЦИЯ И УРОВЕНЬ АКТИВНОСТИ

Аннотация:

В статье рассматривается современный этнический сепаратизм в РФ. Основное внимание автор уделит проявлениям сепаратизма в виртуальной сфере. Виртуальный сепаратизм может быть подготовительным этапом для действий в реальном пространстве. Основания сепаратизма в России чрезвычайно устойчивы на протяжении всей истории страны, начиная с периода Российской империи. Этнический сепаратизм в РФ в настоящее время доминирует по отношению к региональному сепаратизму. В то же время автор констатирует рост регионального сепаратизма с 2018 г. Государство усиливает меры подавления сепаратизма. Ослабление центральной власти может вызвать быстрый и разрушительный для России рост сепаратизма. В ходе ситуативных акций протеста 2018–2019 гг. в регионах РФ появилась тенденция использования символов сепаратизма в политическом протесте.

Ключевые слова:

этнический сепаратизм, классификация сепаратизма, государственная стратегия противодействия сепаратизму, относительная депривация.

Savva Yelena Vladimirovna

PhD, Associate Professor,
Political Science and
Political Management Department,
Kuban State University

ETHNIC SEPARATISM IN THE RUSSIAN FEDERATION: CLASSIFICATION AND LEVEL OF ACTIVITY

Summary:

The paper discusses modern ethnic separatism in the Russian Federation. The author focused on manifestations of separatism in the virtual sphere. Virtual separatism can be a preparatory stage for action in reality. The foundations of separatism in Russia are extremely stable throughout the country's history, starting from the period of the Russian Empire. Ethnic separatism in the Russian Federation currently dominates in relation to regional separatism. At the same time, the author notes the growth of regional separatism since 2018. The government strengthens measures to suppress separatism. The weakening of central authority can cause a rapid and destructive increase in separatism for Russia. During the situational protests of 2018–2019 in the regions of the Russian Federation, a tendency to use the symbols of separatism in political protest appeared.

Keywords:

ethnic separatism, classification of separatism, state strategy to counteract separatism, relative deprivation.

Данная статья представляет реакцию автора на существенный рост актуальности сепаратизма в России. В 2019 г. стало возможным констатировать новую тенденцию. Символы сепаратизма стали использоваться в ходе ситуативных протестных акций в субъектах РФ. При этом такие акции изначально не имели сепаратистской направленности. Так, флаги Уральской народной республики присутствовали на протестных акциях против строительства храма в Екатеринбурге весной этого года [1]. Можно предположить, что некоторая часть россиян стала воспринимать сепарацию своих регионов как способ решения проблем, которые вызвали протест.

Научный прогноз развития сепаратизма в современной России чрезвычайно важен. В настоящее время деятельность центральной российской власти во многом определяется именно представлением о высокой опасности сепаратизма. Этот вывод можно сделать из интервью президента РФ В.В. Путина в документальном фильме «Президент», показанном на канале «Россия 1» [2]. Сохранение единства страны является для российской власти одной из высших целей.

Сепаратизм появился в России не вчера. Его актуальность для страны определяется, среди прочего, тем, что он основан на длительной исторической традиции. Кроме того, сепаратизм не сосредоточен лишь на «национальных окраинах», он проявляется в России в том числе и в регионах, населенных русскими. В форме создания независимых и квазинезависимых государств в период гражданской войны 1918–1920 гг. он был типичен для преимущественно русских по составу населения территорий: Сибири, Дальнего Востока, Кубани и др. Таким образом, сепаратизм является для России унаследованным фактором, характерным для значительной части территории страны.

В данной статье автор концентрирует внимание на этническом сепаратизме. В диссертационном исследовании И.О. Бабкина этот феномен охарактеризован как движение с двумя последовательными целями: первая – отделение «этнического региона» от полиэтничного государства, вторая – создание в границах этого региона суверенного национального государственного

образования либо присоединение к другой стране [3, с. 6]. Термин «этнический регион» является очевидно неудачным. Однако он правильно указывает на иную этническую принадлежность сепаратистов по отношению к преобладающей в государстве этнической общности.

Этнический сепаратизм в РФ в настоящее время доминирует по отношению к региональному сепаратизму. Этим ситуация в нашей стране радикально отличается от ситуации в Западной Европе. Как констатирует К.Г. Холодковский, активное развитие региональных сепаратистских движений сделало малозначительными и отодвинуло на второй план старые этнические сепаратистские движения. Кроме того, насильственные методы борьбы были дискредитированы в Западной Европе исламистским терроризмом [4, с. 29]. В то же время протестные акции в течение двух прошедших лет в России позволяют говорить о начавшемся росте регионального сепаратизма в нашей стране.

Рост сепаратистских настроений и их проявление в практической деятельности несут в себе реальные угрозы. Главная из них – отделение от России территорий. Высокая актуальность сепаратизма в России как социально-политической проблемы ставит задачу его научного исследования и прогноза. Без этого невозможно правильно определить хотя бы общее направление развития сепаратизма. В то же время сепаратизм относится к сложным для научного исследования объектам. Он оценивается глубоко негативно или позитивно, в зависимости от политической позиции оценивающего. Сепаратизм – это борьба, поэтому оценки сепаратизма высокоэмоциональны, что мешает объективности.

Каждый регион, подверженный сепаратизму, уникален. Различаются факторы, формы проявлений, социальные и политические последствия данного явления. В силу этого уникальны научные методы, которые используются для исследования.

Для анализа современного сепаратизма в России автор применил систему взаимосвязанных методов:

- 1) изучение действующего законодательства Российской Федерации, в том числе его изменений;
- 2) качественный анализ содержания электронных ресурсов Рунета (русскоязычного сегмента Интернета), в том числе сайтов сепаратистов;
- 3) анализ исторических источников, характеризующих сепаратизм в Российской империи;
- 4) вторичный анализ материалов проведенных ранее социологических исследований различных аспектов сепаратизма в России.

Социально-политической базой сепаратизма являются два фактора: относительная депривация значительной части представителей больших социальных групп и намерение региональных элит самостоятельно распоряжаться ресурсами территорий. Исходя из этого автор считает возможным оценить уровень сепаратизма по настроениям общественного мнения. В то же время использовать данный критерий для изучения проблемы роста сепаратизма достаточно сложно. Проблема состоит в том, что в РФ в настоящее время практически не ведется достоверное эмпирическое изучение сецессионистских настроений. Без надежной эмпирической базы результаты научного анализа любого социального явления будут умозрительными. Одним из немногих исключений из данного правила можно считать массовый опрос россиян, проведенный Левада-центром в ноябре 2013 г. Респондентам был задан проективный вопрос об отношении к отделению их региона от Российской Федерации. Убеденных сторонников такого варианта в целом по стране немного, всего 1 % дали ответ: «Целиком положительно». Колеблются, но готовы поддержать сецессию еще 7 % опрошенных. Склоняются к отрицанию сепаратизма 26 % (представители данной группы дали ответ: «Скорее отрицательно»). В то же время число уверенных противников сецессии в выборочной совокупности составило 61 % респондентов [5]. Результаты исследования Левада-центра дают возможность сформулировать предположение о слабости поддержки сепаратистских идей населением РФ. Но данный вывод мало что дает для прогноза динамики сепаратизма в нашей стране. По своей сути сепаратизм является региональным явлением. Все регионы страны, за редчайшими исключениями, не могут быть в одинаковой степени подвержены сепаратизму. В любом государстве есть некое ядро, центральный регион, метрополия. Для населения этих государствообразующих территорий сепаратизм, как правило, не характерен. Следовательно, можно предположить, что в РФ сторонники сецессии сосредоточены на периферии и незначительные 8 % сторонников сепаратизма в среднем по России могут быть подавляющим большинством в таком периферийном в политическом смысле регионе.

Федеративное устройство России – результат осуществленной в советский период попытки решить проблему этнической и экономической гетерогенности страны путем формирования «национальных республик». В силу этого у населения страны отсутствует представление о федеративном устройстве как о значимой ценности. Сецессия в таких условиях рассматривается в качестве приемлемого инструмента решения проблем развития. Другими словами, отделение

части территории от России может восприниматься населением этих территорий как допустимое и возможное. В сознании элитных социальных групп сецессия оправдана ради одной из двух целей (или ради сочетания обеих): экономического роста, сохранения культурной самобытности.

Автор полагает, что для адекватного прогноза сепаратистских настроений необходимо проведение специального комплексного исследования оснований относительной депривации в регионах России с картографированием его результатов.

История России демонстрирует, что главным основанием реализации сепаратистских настроений является существенное ослабление государственного центра. В России этот центр выступал последовательно как великокняжеский, царский, имперский, советский и в настоящее время федеральный. По обоснованному мнению А.А. Ахметова, сепаратизм актуализируется на пиках кризисов легитимности государственной власти [6]. В ситуации кризиса центральной власти латентные сторонники сепаратизма получают реальную возможность для осуществления планов отделения. Важным фактором сдерживания сепаратизма являются ресурсы широко понимаемого «третьего сектора». В современной России гражданское общество не имеет сколько-нибудь значительного влияния. Слабость гражданского общества определяет возможности распространения сецессионистских настроений, поскольку сильные структуры гражданского общества объективно выполняют роль механизма оценки и минимизации рисков. Одобрение сепаратизма отдельных регионов всем гражданским обществом маловероятно именно в силу того, что он создает чрезвычайно высокие угрозы не только для государства как системы органов власти, но также для граждан, чьи интересы защищают структуры гражданского общества.

Основания сепаратизма в России чрезвычайно устойчивы на протяжении всей истории страны, начиная с периода Российской империи. Главное из этих оснований – представление значительной части населения о низкой эффективности государственного управления и несправедливости действующей власти. Представление о низкой эффективности государственного управления формирует мнение об игнорировании интересов и экономической эксплуатации этих регионов центральной властью. Подобное мнение, как полагает автор, является основой массовой относительной депривации населения как населенных русскими, так и всех других территорий РФ.

На территориях с преимущественно нерусским населением представление о низкой эффективности центральной власти рождает также мнение о сознательном подавлении этнической самобытности этих групп. Российская Федерация относится к государствам с очень высоким уровнем экономического и культурного разнообразия (гетерогенности) ее регионов. Экономическая гетерогенность проявляется в различных уровнях производительности труда; в наличии или отсутствии современных секторов экономики и т.д. Уровень экономического развития региона и структура его экономики оказывают некоторое воздействие на восприятие населением региона идей сепаратизма. Уровень экономического развития непосредственно не влияет на развитие сепаратизма. Стремление к отделению части государства наблюдается как в регионах с относительно высоким уровнем и качеством жизни, так и в относительно бедных регионах. Мотивы «бедных» и «богатых» регионов являются экономическими. Первые стремятся к сецессии для того, чтобы избавиться от эксплуатации со стороны метрополии. Вторые пытаются отделиться с целью избавления от «иждивенцев», с которыми необходимо делиться. Существенное влияние на динамику сепаратистских настроений оказывают темпы и направленность экономического развития регионов, населенных различными этническими группами. Разнонаправленная динамика, когда рост одних регионов происходит одновременно с упадком других, создает возможность для сравнения и негативной оценки собственного положения, а также положения своей группы. На этой основе формируется чувство относительной депривации [7] на этнической/региональной основе. Экономические факторы не являются главными в системе факторов сепаратизма. В связи с этим автор оставляет рассмотрение экономических оснований сепаратизма за рамками данной статьи.

Гораздо более важны для правильных выводов об активности и причинах сепаратизма социально-культурные факторы гетерогенности РФ. К данной группе автор относит такие важнейшие факторы, как конфессиональные, этнические, демографические различия. В контексте данного исследования важно подчеркнуть, что Россия – единственное на постсоветском пространстве государство, в котором за три десятилетия независимости этническая гетерогенность возросла. Снижение этнической гетерогенности в странах, возникших на территории СССР, произошло за счет увеличения доли титульных этносов в общем массиве населения. Демографическую гетерогенность РФ демонстрируют следующие показатели. В республиках Северного Кавказа, например в Республике Дагестан, Чеченской Республике, Республике Ингушетия, число молодых людей в возрасте до 18 лет среди всего населения составляет около 25 %. В то же время в субъектах РФ Центральной России этот показатель не превышает 12 %. На примере демографической гетерогенности становится очевидным разнообразие условий возникновения относительной

депривации. Социокультурные условия существенно различаются иногда даже в соседних субъектах Российской Федерации. Важным фактором таких различий служит разная историческая память у соседствующих этнических общностей.

Историческая память как социокультурный механизм чрезвычайно субъективна. Высокая субъективность этого феномена сочетается с устойчивостью и даже ригидностью, опосредованной межпоколенной трансмиссией. В результате трактовки прошлого, часто парадоксальные, существенно влияют на современную этнополитическую ситуацию. Эти интерпретации практически не деформируются под воздействием современных, как кажется, значительно более актуальных по сравнению с прошлым, конфликтов. Данный вывод автор делает на основании анализа материалов межрегионального эмпирического исследования «Чеченский кризис в массовом сознании населения Северного Кавказа», включавшего массовый количественный опрос. Исследование было проведено в 1995 г. в период проведения контртеррористической операции на территории Чеченской Республики (ЧР). Жителям 10 северокавказских субъектов РФ был задан оценочный вопрос о том, чего было больше в истории отношений казаков и горцев – хорошего или плохого. Почти четверть чеченцев-респондентов на территории Чеченской Республики (22,9 %) заявили, что они видят в этих отношениях больше хорошего. При этом несколько менее половины (46 %) ответили, что в истории взаимодействия горцев и казаков было больше плохого. Почти треть респондентов (31 %) затруднились с ответом [8]. В ходе того же исследования опрос проводился в Республике Адыгее, которая не была затронута военными действиями, за исключением участия отдельных активистов адыгского национального движения в незаконных вооруженных формированиях в Чеченской Республике. В Адыгее на протяжении всего постсоветского периода сохраняется относительная социально-политическая стабильность. В то же время среди респондентов – адыгейцев по этнической принадлежности заявили о преобладании хорошего в отношении горцев и казаков всего 13,3 %. Эти отношения в исторической ретроспективе оценили как плохие 54,4 %, и не смогли ответить на вопрос 34,4 % опрошенных [9]. Такие показатели выглядят парадоксально с точки зрения остроты происходившего тогда конфликта. Они могут быть объяснены лишь исторической памятью адыгейцев о Кавказской войне XIX в. и понесенных в тот период потерях на фоне того, что адыги не принимали участия в сепаратистском мятеже и некоторые из них могли в результате испытывать сильную депривацию.

Таким образом, в различных регионах России источники недовольства людей своим положением могут быть разными, что обусловлено социокультурной гетерогенностью.

Как было показано выше, в системе факторов каждого конкретного проявления сепаратизма системообразующим выступает социокультурный. Для прогноза социально-политической ситуации важно иметь представление о таких чертах сепаратистского движения, как массовость его поддержки; механизмы рекрутинга в движение; готовность перейти от мирных к насильственным формам борьбы с центральной властью; способность вести репрессии в отношении людей, не разделяющих цели сепаратистского движения. Эти ключевые характеристики определяют специфичными чертами социальной организации, к которым относится, в первую очередь, положение этнической (региональной) общности на шкале «модернизованность – традиционализм». Поясним на примере. Готовность применять насилие и гибнуть определяется именно уровнем традиционализма: чем более традиционалистским является общество, тем больше в нем людей, не рассматривающих жизнь в качестве главной ценности.

Классификация сепаратизма является актуальным инструментом его научного анализа. Этот инструмент создает базу для прогноза. Отечественные исследователи предпринимали попытки создания классификаций по различным основаниям. События в РФ 2018 – 2020 гг. продемонстрировали актуальность такого основания, как наличие/отсутствие этнических различий метрополии/государственного центра и подверженному сепаратизму региона. Так, Д.И. Щербинин предлагает на основе изучения современного сибирского сепаратизма выделить два основных типа – сецессионистский и автономистско-республиканский. Первый тип включает два подтипа – русский и антирусский [10]. При всей актуальности данной классификации она слабо дифференцирована как инструмент научного и прикладного анализа. Из современных отечественных типологий сепаратизма наиболее детализирована типология сепаратизма, предложенная М.А. Домаревой. Особенностью данной типологии является использование нескольких оснований для дифференциации видов сепаратизма [11].

По мнению автора, достаточной для исследования и прогноза является классификация российского сепаратизма по следующим основаниям: наличию/уровню этнических различий региона и метрополии; наличию/уровню конфессиональных массовости поддержки в границах региона; сфере проявлений; количеству акторов; идеологической базе; модели политического устройства заявленного суверенного государства; доминирующему способу коммуникации участников сепаратистского движения / сторонников идеи сецессии.

Классификация по доминирующему способу коммуникации предлагается автором статьи и рассматривается в качестве актуальной на основе изучения используемых в Рунете сторонниками сепаратизма электронных ресурсов, в том числе сайтов, групп в социальных сетях. Таким образом, предложенные ранее отечественными авторами типологии сепаратизма целесообразно дополнить такими видами, как виртуальный, проявляющийся онлайн в двух подвидах (сайты и группы в социальных сетях), и реальный, проявляющийся офлайн. В ряде случаев виртуальный сепаратизм выступает подготовительным этапом для действий в реальном пространстве. В то же время большая часть виртуальной активности сепаратистов не получает продолжения вне этой сферы. Прошедшие в 2018 – 2020 гг. в субъектах РФ ситуативные протесты продемонстрировали рост популярности идеи регионального сепаратизма. Эти идеи проявились в России наиболее массово и активно за весь период с начала XXI в.

Ссылки:

1. Ильченко С. Ебург майданит. Почему Кремль испугали флаги Уральской республики [Электронный ресурс] // Деловая столица. 2019. URL: <http://www.dsnews.ua/society/pop-na-kolokolne-pochemu-hram-v-ekaterinburge-neobhodimo-17052019153000> (дата обращения: 19.08.2020).
2. Путин В. В двухтысячных годах в мире ждали развала России [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. 2015. URL: <http://www.vz.ru/news/2015/4/26/742241.html> (дата обращения: 19.08.2020).
3. Бабкин И.О. Феномен этнического сепаратизма : дисс. канд. полит. наук. Ставрополь, 2001. 216 с.
4. Холодковский К.Г. Особенности сепаратизма в Западной Европе XXI века // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 2. С. 27–37. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-2-27-37>.
5. Россияне о сепаратизме [Электронный ресурс] // Левада-центр. 2013. URL: <http://www.levada.ru/28-11-2013/rossiyane-o-separatizme> (дата обращения: 18.08.2020).
6. Ахметов А.А. Сепаратизм в России и на постсоветском пространстве и пути его преодоления : дис. канд. полит. наук. М., 2013. 184 с.
7. Gurr T.R. Why Men Rebel. Princeton, 1970. 420 p.
8. Савва Е.В. Чеченский кризис в массовом сознании населения Северного Кавказа. Экспресс-отчет о результатах прикладного этносоциологического исследования. Чеченская Республика. Краснодар. 1995.
9. Большов В.Б. Чеченский кризис в массовом сознании населения Северного Кавказа. Экспресс-отчет о результатах прикладного этносоциологического исследования. Республика Адыгея. Краснодар. 1995.
10. Щербинин Д.И. Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма: по материалам социологических исследований в Алтайском и Красноярском краях, Республике Алтай, Кемеровской и Читинской областях : дис. канд. социол. наук. Барнаул, 2010. 176 с.
11. Домарева М.А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации : дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. 163 с.

Редактор: Фетисова Ирина Викторовна
Переводчик: Бирюкова Полина Сергеевна